

Произнеся эти слова, Бай Вэньхань окончательно переступил через прежнюю гордость. Он признал в Чжоу Жане старшего по званию и послушно подчинился его воле — жест, ставший для бывшего генерала полным, безоговорочным поражением.

Чжоу Жань пристально следил за лицом Хан Сиэня. Но когда Бай Вэньхань заговорил, наследник даже взглядом не повел — лишь едва заметно дрогнул уголок его тонких губ.

Чжоу Жань внутренне ликовал. На душе у него потеплело от злорадства.

«Слухи не врут: наследник герцога Хань — человек безжалостный, ради закона и родного дядю императору на расправу отдаст. Кто бы мог подумать, что его так сильно связывает прошлое с этим Бай Вэньханем?»

К счастью, еще когда Бай Вэньхань только прибыл в Сицзян, Чжоу Жань навел о нем самые подробные справки. Он разузнал, что братья Бай когда-то спасли Хан Сиэню жизнь, а заодно выяснил, какая участь постигла остальных членов их некогда могущественного клана.

Докопаться до истинной причины опалы семейства Бай — действительно ли они замешаны в заговоре клана Ши, или официальные обвинения служили лишь ширмой — Чжоу Жаню, разумеется, не удалось. Он знал лишь одно: три года назад в столице разразилась страшная буря. С тех пор вдовствующая императрица безвыездно томила в своих покоях, влиятельные династии рухнули в одночасье, любимый народом принц оказался под домашним арестом, а знатные чиновничьи дома заполнили казематы.

Теми тайнами владели немногие: сам Хан Сиэнь да уцелевшие братья Бай.

О том, как Бай Вэньханю и Бай Шу удалось избежать общей участи, спорили многие. Чжоу Жань, как и большинство, не сомневался: здесь приложил руку Хан Сиэнь, пользовавшийся безграничным доверием государя. Ведь преступления, в которых обвиняли род Бай, карались истреблением девяти поколений. Законных сыновей никак не могли оставить в живых — если только за них не замолвили веское слово. Каким образом наследник провернул это дело, оставалось загадкой.

«Бай Вэньхань спас ему жизнь. А теперь этот великий спаситель пресмыкается передо мной, гнет шею и подносит вино своему бывшему должнику. Каково сейчас этому высокомерному юнцу видеть своего благодетеля в такой грязи?»

Представляя, как исказилось от бессильной ярости лицо Хан Сиэня под уродливой маской, Чжоу Жань испытывал почти физическое наслаждение. Пусть этот выскочка — любимчик императора, но сам Чжоу Жань обставил всё так тонко, что ни один судья в мире не нашел бы к чему придраться.

Бай Вэньхань взял наполненный кубок и шагнул к Хан Сиэню.

Судьба сводила их нечасто, к тому же Вэньхань всегда скептически относился к слепой преданности своего брата Бай Шу этому юноше. Тем не менее, он полагал, что хорошо изучил характер наследника. Тот был злопамятен, мелочен и скрытен до крайности.

Достаточно вспомнить события трехлетней давности, когда Хан Сиэнь в одиночку разворошил змеиное гнездо в столице, заставив содрогнуться всех причастных. За долгие месяцы службы на заставе Небесных Врат Вэньхань без конца прокручивал в голове тот роковой день. Когда его вызвали во дворец, он ожидал худшего — заговора своего отца, генерала Бай Цзюня, со вторым принцем. Но даже в кошмарном сне он не мог представить, что его отец состоял в любовной связи с вдовствующей императрицей и у них рос внебрачный сын. Знай Вэньхань правду тогда, он скорее откусил бы себе язык, чем заговорил.

А Хан Сиэнь не просто заговорил — он пошел до конца. Загнал в угол правителя и его мать, вытащил на свет божий грязную тайну гибели Императорского благородного супруга. Из-за этого государь, годами избегавший даже упоминаний о покойном возлюбленном, растрогался до слез и провозгласил наследным принцем своего самого нелюбимого сына, Цзи Ло. Но поразительнее всего было то, что сам зачинщик вышел сухим из воды, умудрившись при этом вытащить из петли и братьев Бай.

После этого безумец объявил трехлетний траур и скрылся из виду. Теперь же, вернувшись в столицу, он вновь занял место доверенного лица императора и блистал прежним величием. Одно это заставляло Вэньханя признать: Хан Сиэнь — фигура выдающегося ума и редкой изворотливости.

Но здесь была граница. Суровый край, где люди проливали кровь и жили в нечеловеческих условиях. И сам он больше не был тем блестящим генералом, которого когда-то жаловал государь. Слова Чжоу Жаня ранили, но в них крылась горькая правда. Вэньхань меньше всего желал, чтобы Хан Сиэнь затеял из-за него ссору с местным командованием — это могло подорвать дух уставшего от невзгод войска.

Конечно, существовал иной исход: наследник проигнорирует нападки Чжоу Жаня и сделает вид, будто вовсе не замечает опустившегося благодетеля. В таком случае слова Вэньханя помогли бы сгладить неловкость. Однако, зная привычку Хан Сиэня бить наотмашь при малейшей возможности, в подобное верилось с трудом. Вэньхань слишком хорошо помнил, чем закончилась глупая дерзость Фан Цзо, сына великой принцессы. Юнцу сперва отрубили пальцы, а затем его мать лишилась милости императора, да и сам Фан Цзо сгинул без следа.

Бай Вэньхань почтительно приподнял кубок перед Хан Сиэнем:

— Наследник слаб здоровьем, и хмельное ему противопоказано. Позвольте мне осушить этот кубок в одиночку. Если вам будет угодно, вы можете ответить чаем.

Хан Сиэнь прекрасно понял намерение Вэньханя поскорее замять дело. Тонкие губы юноши тронула едва заметная усмешка.

«Ты хочешь мира, но разве эти псы позволят тебе уйти с миром?»

В этом мире полно ничтожеств: чем больше ты уступаешь им и ищешь компромисс, тем слабее кажешься в их глазах. Они лишь пуще прежнего жаждут растоптать твоё достоинство.

Сидевший неподалеку Лю Хучэн нахмурился, решив, что после пира ему придется серьезно поговорить со своим заместителем. Чжоу Жань же, услышав примирительный тон Вэньхэня, окончательно помрачнел. Окинув подчиненного презрительным взглядом, он процедил:

— Надо же, тысяцкий Бай. Выходит, ты порицаешь меня за то, что я посмел поднести кубок нашему дорогому гостю?

Видя неприкрытую враждебность своего зама, Лю Хучэн поспешил вмешаться.

— Заместитель командующего Чжоу, — сурово произнес он. — Слабое здоровье наследника Хань ни для кого в Великой Чжоу не секрет. Вэньхэнь лишь предостерегает от беды. Если гостю станет худо от лишней чарки, кто из нас будет держать ответ перед императором?

Чжоу Жань прекрасно понимал, что великий генерал делает ему внушение. Но то ли винные пары ударили в голову, то ли давняя злоба искала выход — останавливаться он не собирался.

Он издевательски усмехнулся и, повернувшись к Вэньхэню, процедил:

— Я человек простой, вырос в бедности и придворным манерам не обучен. Куда уж мне до тысяцкого Бая, который с пеленок купался в роскоши и знает толк в этикете. Вот только, если мне не изменяет память, от столичного клана Бай ныне не осталось и следа — выжили лишь вы с братом. То, что сын государственного преступника вообще носит звание тысяцкого — исключительно проявление безграничной доброты нашего великого генерала. Но ведь император ясно выразился насчет вины вашего рода. Если слухи о подобном кумовстве дойдут до ушей Его Величества, нашему генералу будет непросто оправдаться.

После этих слов в зале воцарилась гробовая тишина. Присутствующие уставились на Бай Вэньхэня.

Когда братьев сослали на границу туманным императорским указом, офицеры долго шептались за их спинами. Однако под покровительством Лю Хучэна никто не осмеливался колоть им глаза прошлым. Со временем Вэньхэнь делом доказал свою полезность на поле боя, и старые грехи его семьи стерлись из памяти сослуживцев.

Резкое напоминание Чжоу Жэня всколыхнуло былые толки. Лица командиров помрачнели. Впрочем, нашлись и те, кто не скрывал злорадного любопытства, предвкушая знатную ссору.

Лю Хучэн поднялся с места:

— Заместитель командующего Чжоу, мы собрались здесь, чтобы приветствовать пятого принца и наследника Хань. Не место и не время поднимать подобные вопросы.

Бай Вэньхань проливал кровь на полях сражений, и характер бывшего полководца вовсе не был мягким, как глина. Лицо его заледенело. Пытаясь сдержать подступающий гнев, он спросил ровным, глухим голосом:

— Что вы хотите этим сказать, заместитель командующего?

— Разве не ясно? Он интересуется, почему ты не отправился на тот свет вслед за остальной родней, — раздался ленивый, но бьющий без промаха голос Хан Сизня.

В мгновение ока все взгляды переместились на уродливую маску наследника.

Хан Сизнь лениво подпер подбородок рукой и уставился на онемевшего Чжоу Жаня:

— Ну же, заместитель командующего, я ведь озвучил ваши сокровенные мысли? Или вы настолько счастливы услышать правду, что у вас язык отнялся?

Под перекрестным огнем чужих взглядов Чжоу Жань почувствовал, как краска стыда заливает лицо до самых корней волос. Да, именно это он и имел в виду, но как признать подобное вслух перед всеми?

«Этот безумный мальчишка вообще не боится наживать себе врагов?»

Хан Сизнь не стал ждать невнятных оправданий. Он неторопливо поднялся, небрежным жестом забрал кубок из рук застывшего Вэньханя и выплеснул вино прямо под ноги.

В Великой Чжоу лить вино на землю дозволялось лишь в память об усопших. Подобный жест во время праздника считался дурным предзнаменованием, оскорблением живых, но наследника Хань условности никогда не заботили. Его дерзость граничила с безумием.

Повернувшись к Вэньханю, Хан Сизнь произнес совершенно спокойным, но отчетливым голосом:

— Ты спас жизнь мне и Его Высочеству наследному принцу. Если бы не твоя отвага, нас давно бы не было на этом свете. С какой стати спаситель должен гнуть спину и подносить вино? Будь здесь сам Его Высочество, он ни за что не принял бы этот кубок.

Будь здесь Цзи Ло, он бы, скорее всего, пришел в ярость и велел снести Чжоу Жаню голову прямо на месте. Впрочем, если бы наследный принц действительно присутствовал в зале, Чжоу Жань вряд ли набрался бы смелости раскрыть рот — но такие мелочи Хан Сизня не волновали.

Он перевел тяжелый взгляд на Чжоу Жаня. На бледных губах юноши заиграла ядовитая усмешка:

— Наш доблестный генерал Лю устроил этот пир в честь пятого принца и моей скромной персоны. Я наивно полагал, что это дружеская встреча, призванная укрепить дух. Но заместитель командующего Чжоу почему-то решил использовать свое высокое положение, чтобы унижить достойного воина. Скажите, вы и в своих полках поддерживаете дисциплину подобным варварством? Или же это представление разыграно специально для меня?

Потемневшее от гнева лицо Чжоу Жаня казалось теперь чернее грозовой тучи.

— Что вы себе позволяете, наследник Хань? — выдавил он.

— Это я должен спросить, что вы себе позволяете. Если говорить об умении давить авторитетом, то я справлюсь с этим куда лучше вас, — с обезоруживающей прямоотой отозвался Хан Сиэнь. — Вы только что изволили прикрываться именем государя. Что же, тогда у меня к вам встречный вопрос: как понимать ваше пренебрежение священной волей императора? И не вздумайте отпираться. Разве в высочайшем указе, присланном на заставу Небесных Врат, сказано, что братья Бай совершили нечто чудовищное? Разве там есть запрет на службу Бай Вэньхана в чине тысяцкого? Ваши речи, заместитель командующего, звучат весомее законов империи. Я едва не лишился чувств от страха — уж не решила ли местная челядь, что земли Сицзяна больше не принадлежат короне, а здешние офицеры свободны от присяги?

Эти обвинения пахли плахой. Лю Хучэн внутренне содрогнулся. «Не принадлежат короне, свободны от присяги» — подобные слова из уст Императорского инспектора граничили с обвинением в государственной измене. Хан Сиэню ничего не стоило бросаться громкими словами, но для гарнизона это могло закончиться катастрофой.

Чжоу Жань хватал ртом воздух, силясь возразить, но Хан Сиэнь пренебрежительно махнул рукой, прерывая его на полуслове:

— Не утруждайте себя оправданиями предо мной, заместитель командующего. Я подробно изложу все ваши суждения в докладе на имя Его Величества. Приберегите свое красноречие для личной беседы с императором.

Лю Хучэн сделал шаг вперед и, почтительно склонившись перед Хан Сиэнем и безмолвным пятым принцем Цзи Хуаем, произнес со всей серьезностью:

— Ваше Высочество, Императорский инспектор! Уверяю вас, заместитель командующего Чжоу не замышлял ничего дурного. Мы годами проливаем кровь на этих рубежах и верны долгу до последнего вздоха. За свои недопустимые слова Чжоу Жань ответит по всей строгости воинского устава. Прошу вас, не гневайтесь и простите его глупость.

— Наказать его определенно стоит, — перебил Хан Сиэнь прежде, чем Цзи Хуай успел

проявить великодушие. Наследник с издевкой посмотрел на Великого генерала: — Кстати, меня давно мучает один вопрос. Чжоу Жань — заместитель командующего многотысячным войском Сицзяна. Почему же в моем присутствии и перед вами, генерал Лю, он упорно величает себя «командующим»? По уставу ему надлежит именовать себя «заместителем командующего». И никто из ваших офицеров даже ухом не повел — должно быть, у вас так принято. Что это: непомерная гордыня Чжоу Жаня или крайняя распущенность в ваших рядах? Боюсь, если император узнает о подобном панибратстве и бардаке на границе, он лишится сна.

Чжоу Жань давно завидовал Лю Хучэну и сколотил вокруг себя кружок недовольных. Великий генерал надеялся разыграть карту столичных гостей, чтобы чужими руками приструнить зарвавшегося зама, а потому до последнего момента молча наблюдал за происходящим.

Хан Сиэнь не возражал против чужих интриг, но твердо верил: за попытку использовать его втемную нужно платить. В конце концов, широтой души он никогда не отличался.

У Лю Хучэна заныли виски от ядовитых речей столичного гостя. Кто же знал, что попытка разыграть наследника Хань обернется столь сокрушительным ударом по нему самому?

Наконец, выждав паузу, в разговор вмешался пятый принц Цзи Хуай:

— Наследник Хань, ты сам изволил заметить, что негоже толковать волю отца вольно. Не стоит множить подозрения. К тому же жизнь в Сицзяне сурова, воины ежедневно терпят лишения. Отец слишком занят заботами о благе государства, чтобы обращать внимание на такие пустяки, как неформальные обращения офицеров в тесном кругу.

Хан Сиэнь медленно повернул голову к принцу, попытавшемуся свести все к невинной дружеской беседе. Его взгляд был настолько выразительным, что Цзи Хуай почувствовал себя полным идиотом.

Хан Сиэнь негромко, сухо рассмеялся:

— Ваше Высочество, вы словно призываете меня скрыть правду от государя. Нам не дано предугадать помыслы Его Величества, однако долг императорских инспекторов велит докладывать о малейших шорохах на границе. Верный слуга не имеет права на умалчивание. И поверьте, отцу вряд ли понравится, если его Помощник императорского инспектора станет слишком близок с местным генералитетом. В таких делах легко потерять ясность взора и забыть о рамках дозволенного.

Оставив принца бледнеть от ярости после столь бесцеремонной отповеди, Хан Сиэнь кивнул Лю Хучэну:

— Благодарю за гостеприимство, генерал Лю. Но пировать у меня более нет желания.

Он развернулся и ровным шагом покинул зал. Цзи Хуай растерянно смотрел ему вслед, не в силах вымолвить ни слова от возмущения.

«Слухи не врут, — злобно подумал принц. — Этот Хан Сиэнь — бешеная собака. Кидается на каждого, кто подвернется под руку».

Вернувшись в свои покои, Хан Сиэнь велел приготовить ему чашу самой простой, пресной лапши в прозрачном бульоне.

Уйти с пышного застолья голодным и демонстративно потребовать простую похлебку, заявляя тем самым о своем крайнем неудовольствии, — на такую выходку в империи был способен лишь наследник Хань.

Стоило ревизору покинуть зал, как Лю Хучэн отдал приказ. За нарушение субординации и неуважение к старшим по званию Чжоу Жаню назначили пятьдесят ударов палками. Говорили, несчастного забили едва ли не до полусмерти.

Узнав об этом от слуг, Хан Сиэнь лишь презрительно фыркнул. Лю Хучэн поспешил принести искупительную жертву, демонстрируя свою преданность короне. Что же, довольно быстро.

Насытившись, Хан Сиэнь уже собирался отойти ко сну, когда в двери постучал дежурный стражник. Братья Бай Вэньхань и Бай Шу просили аудиенции.

<http://bllate.org/book/20088/2002076>